

Т. Н. Маркова

В. М. ШУКШИН В ВОСПРИЯТИИ ВЯЧ. ПЬЕЦУХА

В предлагаемой статье обращение Вяч. Пьецуха к творчеству В. М. Шукшина объясняется исключительной литературностью его произведений, совершенным владением малой эпической формой, пристальным вниманием к частной жизни обыкновенных людей. Апелляция мастера современной иронической прозы к текстам «последнего русского классика» связывается с жанровыми предпочтениями автора и неиссякаемым интересом к исследованию русского национального характера.

Ключевые слова: современная русская проза, постмодернизм, ирония, жанр, анекдот, абсурд, парадокс, русский национальный характер.

Первыми о сближении имени Шукшина с постмодернизмом заговорили западные слависты. Так, известный немецкий исследователь профессор Ральф Эшелман обнаруживает в текстах Шукшина приемы постмодернистской поэтики [1]. Солидаризируясь с ним, А. И. Куляпин делает следующее заявление: «Поздний Шукшин явно тяготеет к «игровой», «цитатной» прозе, что сближает его с постмодернизмом» [2, с. 133]. Авторы изданного на родине классика энциклопедического словаря-справочника убедительно доказывают, что, впитав достижения предшественников (Пушкина, Толстого, Горького), Шукшин в своем творчестве предвосхитил поэтический стиль нового поколения [2, с. 193]. Очевидно, не только из «джинсовой куртки» В. Аксенова вышли писатели новой волны. Не менее значимым оказалось влияние В. Шукшина. Поэтому вполне закономерно, что книга эссеистических биографий русских классиков, написанная мастером современной прозы Вяч. Пьецухом, завершается главой о Шукшине «Последний гений»:

«Почему Шукшин – это последний гений, неужто после Шукшина у нас так-таки и не было никого? Были, конечно. Были проникновенные описатели внутренних миров, точнее, своего собственного, более или менее фальшиво резонирующего с нервом реальной жизни. Были честные плакальщики по умирающему селу, нравоучители на вымученных примерах, избалованные, не лишённые чувства слова, забавные анекдотчики, прилежные изобразители народного быта, но пороку из них не выдумал никто... Да еще то нужно принять в расчет, что в среднем мы каждые 70 лет оказываемся на краю культурной, государственной, этнической или еще какой-нибудь катастрофы. Естественно, что о каждом взлете российской словесности в этих условиях думаешь как о последнем. Вот поневоле и впадаешь в то опасливое убеждение, что гений Шукшин – последний гений. Но даже если он по счету точно последний, все равно неизглаемое спасибо» [3, с. 215–216].

Вяч. Пьецуха критики единодушно относят к представителям так называемой иронической про-

зы. Этим произведениям свойственна ориентация на книжные традиции, игровая стихия, всепроникающая ирония, а главное – анекдотические сюжетные коллизии, элементы фантастики, даже фантазмагии, включаемые в ткань повествования. Ведущим литературным приемом, формирующим художественный строй рассказов Пьецуха и выражающим главную авторскую идею, становится ирония, а излюбленным жанром – анекдот: бытовой («Драгоценные черты», «Русские анекдоты»), исторический («Роммат»), философский («Новая московская философия»). В этой связи совершенно естественной и даже неизбежной видится апелляция мастера современной иронической прозы к текстам В. М. Шукшина.

Основной жанр, в котором работал Шукшин, – короткий рассказ: «Вот рассказы, какими они должны быть: Рассказ-судьба. Рассказ-характер. Рассказ-исповедь. Самое мелкое, что может быть, это рассказ-анекдот» [4, с. 246]. В Толковом словаре русского языка С. Ожегова и Н. Шведовой читаем следующее определение: «Анекдот – очень маленький рассказ с забавным, смешным содержанием и неожиданным острым концом» [5]. Анекдот (от греч. *ane* – «неизданный», англ. *canned joke*) – короткий устный рассказ о вымышленном событии злободневного бытового или общественно-политического содержания, с шуточной или сатирической окраской и неожиданной остроумной концовкой. Традиционно анекдот состоит из завязки, рассказа о каком-либо событии или происшествии, диалога персонажей и неожиданной развязки, создающей «соль» анекдота, его пуанту. Персонажи анекдота не нуждаются в представлении, они известны всем носителям языка и представителям данной культуры. Повествование, как правило, ведется в настоящем времени, представляя действие как бы разворачивающимся в данный момент перед глазами слушателей.

Сегодня нет нужды вести полемику с теми, кто необоснованно пренебрежительно относится к анекдоту, отводя ему место в ряду второсортных литературных жанров. Анекдот имеет давнюю

историю, он был популярен и в русской, и советской, а теперь и в российской литературе. Этот архаический, фольклорный по происхождению и бытованию жанр обладает качествами, отвечающими всем требованиям новейшей литературной ситуации: лаконизмом, парадоксальностью, коммуникативностью. Он легко внедряется в художественную структуру практически любого современного текста. И это явление прослеживается в широком диапазоне индивидуально-авторских систем: от Шукшина, выделявшего рассказ-анекдот как жанрово-композиционную форму, до Пелевина, в романе которого фольклорный эпос о Чапаеве создает рамочную конструкцию для парадоксальной версии судьбы персонажей.

Как полагают современные исследователи, анекдотическая ситуация, представляющая столкновение двух миропониманий на грани реальности и абсурда, выступает катализатором сюжетного движения, неожиданность развязки разрушает инерцию восприятия текста, а память об устном происхождении анекдота проявляется в повышенной коммуникативности, способствующей реализации диалогизма художественного мышления [6–8].

В современном художественном повествовании формула анекдота наполняется новыми структурными элементами: вводятся новые персонажи, психологические мотивировки, комментарий героя-повествователя; в результате изменяется и план содержания: безапелляционность сменяется авторской неоднозначностью. Современный анекдот разворачивается в картину, представляющую наш абсурдный мир в целом [9].

Вячеслав Пьецух – несомненный мастер современного литературного анекдота. Один из лучших его текстов так и озаглавлен «Русские анекдоты» (сборник «Жизнь замечательных людей»). В своих рассказах-анекдотах, повестях-анекдотах писатель исследует, условно говоря, бытовой уровень хаоса. За кажущейся простотой и непритязательностью скрывается нечто глубинное, что открывается через аллюзии, переключку с ранними рассказами Чехова, сказами Зощенко и короткими рассказами Шукшина. Но если предшественники Пьецуха напряженно искали ответ на «проклятый» русский вопрос «Что делать?», то у современного писателя он сменяется другим «Как человеку жить внутри хаоса?». Если реализм (а мы все-таки склонны считать Шукшина реалистом) стремился обнаружить скрытые в реальности логику, порядок, смысл, то постмодернизм декларирует изменчивость и случайность всего сущего, демонстрируя алогизм бытия. Важнейшим конструктивным элементом постмодернистского текста является ирония, и никакой реальной альтернативы человеческой комедии постмодернизм не предлагает. Если

Чехов, Зощенко и Шукшин оставляли своему читателю некую надежду («свет и во тьме светит»), то Пьецух куда более скептичен. Современный автор требует от читателя мужества признать, что приспособиться к этому миру нельзя, а противостоять ему бесполезно. Концовки его рассказов-анекдотов обнажают тоску, горечь, безысходность, поражают ощущением разрушенной жизни. И причина отнюдь не в обыденных неурядицах, бытовых проблемах или поголовном пьянстве. Картины жизни в рассказах писателя представляют образ мира, зашедшего в тупик.

Произведения Пьецуха, будь то «Драгоценные черты», «Русские анекдоты» или «Город Глупов в последние десять лет», достаточно однотипны с точки зрения языка и стиля. В основе их сюжетов всегда лежит некий курьезный факт, фиксируется ряд бытовых деталей под ироническим углом зрения и, наконец, делается вывод: «У нас может случиться все». Очевидно, дело в том, что абсурд для писателя не просто художественный прием, а некая константа, неизменная, характерная черта российской действительности. Алогичны взаимоотношения человека и среды, нелеп и сам человек, привыкший воспринимать бытовой хаос как единственно возможную форму своего существования. Автор с горечью констатирует: «Вся наша российская жизнь есть ни мытье, ни катанье, а разве что именно унылый и фантастический анекдот» [3, с. 65].

И. Сухих очень точно указывает на связь жанра и авторской сверхзадачи: «Через анекдот Пьецух пытается схватить какие-то черты национального характера, понять, какие мы и почему мы такие» [10]. Действительно, собранные вместе, рассказы Пьецуха соединяются в умный и смешной роман о России, о русском национальном характере. По сути, Пьецух пишет одну книгу о маргиналах и чудаках, о странностях и абсурде российской жизни: о пациентах сумасшедшего дома, клиентах вытрезвителя, деревенских мужиках и бывших интеллигентах, о жителях щедринского города Глупова... Здесь коренится еще одна важная причина притяжения современного писателя к творчеству В. М. Шукшина.

В одном из интервью Пьецух весьма парадоксально сформулировал свое писательское кредо: «Если когда-нибудь обнаружится настоящий литературовед, который сдуру мною займется, он напишет: Пьецух был всего лишь тонким знатоком русского дурака. Повторяю, я внутри народной жизни, не сверху, не сбоку, а внутри, поэтому она мне открывается. А открывается она в поразительном несогласии формы и существа. С одной стороны, я понимаю и чувствую, насколько это прекрасный народ, может быть, самый тонкий народ из всех, с которыми я имел дело. С другой стороны, я знаю,

насколько это несчастный, безобразно воспитанный, абсолютно аморальный народ» [11].

Пьецуха и Шукшина сближает узнаваемость человеческого типа, представленного обоими писателями. Это обыватель, носитель массового сознания, «маленький» человек, знакомый еще со времен Пушкина и Гоголя: «Вот откуда взялся Паша Холманский, он же Колокольников, один из самых животрепещущих героев нашей новейшей литературы, из чего прорезался «Алеша Бесконвойный», первый русский рассказ о свободе личности, как получился «Танцующий Шива», олицетворенная нервная система нашей беспутной жизни, или странно-одушевленная подоплека «Беседы при ясной луне»...» [3, с. 215].

Короткие рассказы Шукшина и Пьецуха представляют собой метатексты, обращенные к исследованию «загадочной русской души» в разные эпохи и в разных обстоятельствах. Н. Иванова очень точно заметила: «Герои-чудики появились в современной прозе у Шукшина, ему и принадлежит это определение... Влияние Шукшина заметно ощущается в прозе Пьецуха – прежде всего в исследовании русского национального характера» [12].

Шукшин, по Пьецуху, «безошибочно поставил нашему больному бытию диагноз: все от человека, трансформирующего животворное электричество на свой бесноватый лад, и беда не в конституционной монархии или разгуле свободы слова, а непосредственно в Иванове, Петрове, Сидорове со всеми их вредными свычаями и обычаями, которые и свободу слова могут превратить в препирательство перед схваткой, и конституционную монархию оборудовать в Эдем» [3, с. 213].

Современный прозаик ведет читателя к парадоксальной мысли: лучшее, на что способен человек, – лежать на кровати или сидеть на скамейке и рассуждать о вечном. Добрые люди, по определению Пьецуха, не от мира сего. Стоит доброму человеку встать и приняться за дело, как ломается техника, распадаются семьи – рушится мир вокруг. Так что лучше рассуждать о Шопенгауэре и тихонько выпивать с соседями по лестничной клетке, чем заниматься добычей денег и прочими суетными делами. Получается некий иронический парафраз Толстому: непротивление злу недеянием и разговорами по душам [13]. Так тоже проявляется русский национальный характер с его склонностью к философскому осмыслению жизни, о которой после Шукшина точнее и ироничнее всех своих современников пишет В. Пьецух: «Особенно хорошо у нас сложилось с витанием в облака. Скажем, человек только что от скуки разобрал очень нужный сарайчик, объяснил соседу, почему мы победили в Отечественной войне 1812 года, отходил жену кухонным полотенцем, но вот он уже сидит у себя на крылечке, тихо улыбается погожему дню и вдруг говорит: «Религию нову придумать, что ли?» [14, с. 9].

Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что диалог новейшей литературы с наследием «последнего русского классика» осуществляется по способу сближения/отталкивания. Притяжение мастера современной иронической прозы к личности и творчеству В. М. Шукшина обусловлено жанровыми предпочтениями обоих авторов, непреходящим интересом к исследованию русского национального характера, «загадочной русской души».

Список литературы

1. Эшелман Р. Эпистемология застоя: о постмодернистской прозе В. Шукшина // Russian Literature. Amsterdam. 1994. Vol. XXXV. P. 203–226.
2. Творчество В. М. Шукшина: энциклопедический словарь-справочник. Т. 1: Филологическое шукшиноведение / науч. ред. А. А. Чувакин. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2004.
3. Пьецух В. Русская тема: о нашей жизни и литературе. М.: Глобулус ЭНАС, 2005.
4. Шукшин В. М. Вопросы самому себе. М.: Мол. гвардия, 1981.
5. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка // <http://slovari.299.ru/word.php?id=493&sl=oj>
6. Курганов Е. Анекдот как жанр. СПб., 1997.
7. Шайтанов И. Между эпосом и анекдотом // Литературное обозрение. 1995. № 1.
8. Выгон Н. Анекдот в современной философско-юмористической прозе // Открытый урок по литературе: русская литература XX века. М.: Моск. лицей, 2001.
9. Маркова Т. Н. Современная проза: конструкция и смысл (В. Маканин, Л. Петрушевская, В. Пелевин). М.: МГОУ, 2003.
10. Сухих И. Период ремонта гильотины // Нева. № 3. 1989.
11. Персона. Интервью с В. Пьецухом. Беседу вел Сергей Шпалов. URL: http://www.kultura-portal.ru/tree_new/cultpaper/article.jsp?number=700&rubric_id=1000188
12. Иванова Н. Намеренные несчастливцы? («о прозе новой волны») // Дружба народов. № 7. 1989.
13. Непротивление злу безумием. URL: http://exlibris.ng.ru/subject/2007-02-08/1_laureat.html
14. Пьецух В. Центрально-Ермолаевская война // Огонек. 1988. № 3.

Маркова Т. Н., доктор филологических наук, профессор.
Челябинский государственный педагогический университет.
Пр. Ленина, 69, г. Челябинск, Челябинская область, Россия, 454080.
E-mail: makavelli@hotmail.ru

Материал поступил в редакцию 15.02.2011.

T. N. Markova

V. M. SHUKSHIN IN V. P.ETSUHA'S PERCEPTION

In this article V. P.etsuha's interest in Shukshin's work can be explained by exceptional literariness of his work, perfection in epic form, close attention to lives of ordinary people. Appeal by the master of contemporary ironic prose to works of "the last Russian classicist" can be linked to the author's preferred genres and everlasting interest in studying Russian national character.

Key words: *contemporary Russian prose, postmodernism, ironic, genre, anecdote, absurd, paradox, Russian national character.*

Chelyabinsk State Pedagogical Univesity.
Pr. Lenina, 69, Chelyabinsk, Chelyabinsk region, Russia, 454080.
E-mail: makavelli@hotmail.ru